

Максим Семин

Мракоборец: Ключ от Нави

Максим Семин

Мракоборец: Ключ от Нави

«Автор»

2026

Семин М.

Мракоборец: Ключ от Нави / М. Семин — «Автор», 2026

Мракоборец: ключ от Нави Троемирье трещит по швам. Древняя Тьма, что была до Сварога, пробуждается в трёх разломах, истончая грань между Явью и Навью. Чудовища, спавшие веками, выползают из чащоб, топей и подземелий. Люди прячутся по домам. А те, кто зовёт себя Мракоборцами, — последняя преграда между живыми и мёртвыми.

© Семин М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог + Глава 1 "Пепел и Слухи"	5
Глава 2 "Корчма у Кривого Дуба"	10
Глава 3 "Вороний Камень"	16

Максим Семин

Мракоборец: Ключ от Нави

Пролог + Глава 1 "Пепел и Слухи"

Пролог

Снег хрустел под лапами, как сухой валежник. Волчий след, глубокий и четкий в лунном свете, вел через замерзшее болото к черной стене ельника. Только это был не волк. Радомир знал это чутье — то самое, что мертвой змеей шевелилось под сердцем после Хождения. След был слишком тяжелым для зверя. Так ступает тварь, вставшая на задние лапы и прикинувшаяся человеком

Волколак.

Третье полнолуние в этих краях находили растерзанные тела. Сперва скот, потом одинокий бортник в лесу, а на прошлой седмице — целая семья с хутора у Сорочьего ручья. Староста деревни Глинищи, бородатый мужик с трясущимися руками, высыпал перед Радомиром горсть серебряных кун и мешочек соли — больше у общины не было.

— Избавь, ведун. Христьянский поп кропил — не берет. Кузнец серебро лил — пули как горох. Это сам Леший, прости Господи, лютует! — крестился староста, хоть и верил в Перуна больше, чем в нового Бога.

Радомир тогда ничего не ответил. Он поднял мешочек с солью, взвесил в руке и оставил на столе.

— Соль верни. Мне нужна кровь. Того, кто первый нашел тело.

Путь к логову вел через бурелом. Мракоборец перехватил топор поудобнее. Тяжелое древко, обмотанное сыромятной кожей, легло в ладонь как родное. Сталь на лезвии была покрыта вязью обережных знаков, выкованных еще его учителем, старым Влахом, из осколка громового камня. Каждый символ тускло мерцал синевой в такт биению сердца.

Впереди, у корней вывороченной сосны, мелькнула тень. Огромная, горбатая, с удлиненной мордой. Зверь не выл, он молчал, и это молчание было страшнее любого рыка. Волколак ждал, когда охотник подойдет ближе.

— Знаю, что ты слышишь, — негромко произнес Радомир, останавливаясь в десяти шагах. Голос его, низкий и спокойный, почти терялся в шелесте ветра. — И знаю, что ты еще помнишь, как говорить. Ты был человеком, Молчан-кузнец. Пока не пошел в ночь на Лысую гору просить силы согнуть воеводу в бараний рог.

Тень замерла. Затем, с хрустом ломающихся костей и сухожилий, выпрямилась, принимая облик — не волчий, не человеческий, а жуткую помесь того и другого. Глаза горели желтым, умным и полным древней ненависти огнем. Из горла вырвался клокочущий, почти членораздельный рык:

— Ве-е-лесов вну-ук Я чую смрад Нави на тебе. Ты такой же, как мы, мертвяк среди живых. Зачем защищаешь этих скотов?

Радомир не шелохнулся. Он медленно, плавно опустил топор лезвием вниз, вогнав его в наст. Пальцы остались лежать на рукояти, но жест вышел не угрожающим, а усталым. Он знал: таких, как Молчан, куда легче разрубить, чем выслушать. Но долг Мракоборца — не просто истреблять, а понимать. Иначе сам станешь зверем.

— Ты ведь не всегда был таким, кузнец, — произнес он тихо, глядя не в желтые глаза, а куда-то в переносицу, где у зверя еще угадывались человеческие черты. — Помню я Глинищи. Три лета назад проходил через них, когда шел с Влахом на Пустошь. Ты тогда ковал лемех для

старого Ждана. Еще ругался, что железо нынче дрянное, с болотной ржавчиной. Угощал нас квасом. Жена твоя, Веселина, вынесла по краюхе хлеба с солью.

Зверь вздрогнул. Желтый огонь в глазах мигнул, словно свеча на сквозняке. Когтистые лапы, секунду назад готовые рвать плоть, судорожно сжались, пропахав глубокие борозды в слежавшемся снегу.

— Ве-се-лина — прохрипел он, и голос вдруг стал на треть человеческим, полным муки. — Не смей не смей говорить о ней, ведун. Ты ничего не знаешь

— Так Расскажи, — просто ответил Радомир. Он вытащил из-за пазухи кiset с сушеной малиной, бросил щепоть в рот и стал жевать, не сводя с твари спокойных серых глаз. — Ночь длинная. Рассвет еще не скоро. А я хочу знать, за что ты проклял себя и перерезал хутор у Сорочьего ручья, где жил брат твоей жены с детьми. Детями, Молчан.

Волколак заскулил — низко, сипло, как побитый пес. Он осел на задние лапы, и теперь его морда оказалась почти вровень с лицом Радомира. Снег вокруг начал подтаивать от жара, исходящего от шкуры зверя.

— Ты хочешь знать? — прошептал он. — Изволь.

И начал рассказывать.

Не словами даже — Мракоборец раскрыл чутье, и перед его внутренним взором развернулась картина чужих воспоминаний, вырванная болью из самой души зверя.

Кузня стояла на отшибе. Молчан был хорошим кузнецом — лучшим в округе на три дня пути. Мечи его работы не крошились о щиты, подковы сидели как влитые, а гвозди не гнулись даже в мореном дубе. Но славился он не только ремеслом. Жена — красавица Веселина, дочь бывшего воеводина дружинника, павшего в стычке со степняками. Двое детей — мальчик и девочка. Дом полная чаша.

Беда пришла летним вечером, когда в кузню ввалился новый княжеский воевода — Горислав, прозванный в народе Кровавым за нрав буйный и скорый на расправу. С ним — трое дружинников.

— Кузнец! Готовь сани для зимнего похода! Сто полозьев ковать будешь.

— Сто полозьев? — Молчан вытер пот со лба. — Так ведь до зимы еще полгода. И заказ у меня от артели бортников. Да и железо нужно

— Ты, смерд, воеводу перечишь? — Горислав навис над ним, багровея лицом. — Завтра чтоб начинал. А не то

Дальше Молчан помнил плохо. Удар рукоятью плети в висок. Кровь на стружках. Визг жены. Дети кричали. А потом — багровые отблески на низких тучах. Кузня горела. Дом горел. Веселина с детьми так и не вышли из огня — двери подперли снаружи бревном. Воевода решил проучить непокорного смерда, чтобы другим неповадно было.

Молчан уцелел. Соседи вытащили из-под обломков обгоревшего, с переломанными ногами. Выходили. Только вот внутри у него все выгорело тоже. Осталась лишь зола — холодная, черная, жаждущая не просто мести, а полного истребления самой памяти о роде Горислава.

— Три недели я пролежал без движения, — продолжил волколак уже вслух, тяжело роняя слова, как камни в воду. — А когда встал, пошел не в княжий терем с челобитной — кому я там нужен, безродный калека? Я пошел в лес. На Лысую гору. Знал, что в Купальскую ночь там собирается всякая сила. И позвал. Позвал того, кто откликается на ненависть.

— И ты пошел к Гориславу?

— Да. — Глаза волколака вновь загорелись ровным, жутким светом. — Я вырезал всю его усадьбу. Детей его, жену, челядь, собак — всех. Но воеводы там не было. Он уехал в Киев на княжий суд, за три дня до того. Я искал его след, метался по лесам, как бешеный. И тогда понял: шкура требует крови. Постоянно. Каждое полнолуние. Иначе она начинает жрать меня самого.

— И ты пошел к Сорочьему ручью, — закончил Радомир. — Где жила сестра Веселины с мужем и тремя малыми детьми. Они приютили тебя, когда ты выжил, а ты пришел к ним в шкуре.

— Замолчи! — взвизгнул волколак, и в рыке его мешались человеческий стыд и звериная ярость. Огромное тело напряглось, бугры мышц заходили под дымящейся шкурой. — Думаешь, я хотел?! Шкура шкура привела меня туда! Я грыз зубами собственные лапы, чтобы не идти, а она тащила!

— Ты пришел к своим родичам и разорвал их, — неумолимо продолжил Мракоборец. — А теперь назови имя того, кто дал тебе эту шкуру. И я обещаю: смерть твоя будет скорой.

Желтые глаза волколака вдруг загорелись ровным, жутким багрянцем. Шерсть на загривке встала дыбом, и морда исказилась в гримасе — не раскаяния, а лютой, всепоглощающей злобы. Шкура брала своё.

— Имя?! — прорычал он, и клыки блеснули в лунном свете длинными изогнутыми кинжалами. — Ты думаешь, смерд, что Иной назвал мне своё имя?! Да он глянул на меня сверху, как на муравья! Я даже лица его не видел! Только ГОЛОС!

Зверь начал обходить Радомира по кругу, оставляя в снегу глубокие оплавленные следы. С каждым словом человеческого в нем оставалось все меньше, звериное брало верх, ломало суставы, вытягивало пасть.

— Голос? — переспросил Радомир, медленно поворачиваясь за ним и не сводя глаз с передних лап — самых опасных. Топор в его руке засиял синевой чуть ярче, но он не поднимал его. Ждал. — Что сказал голос?

— Сказал: «Беги. Убей. Принеси мне их страх». — Волколак оскалился уже без всякого следа человека. — Я убил Гориславов род. Я пил их кровь, а страх их был сладким, как мёд! Но ему — ему было мало! Мало! Шкура требовала ещё, и ещё, и ЕЩЁ!

Он остановился. Теперь тварь стояла между Радомиром и ельником, отрезая путь к отступлению.

Задние лапы напряглись для прыжка, передние развели, готовые рвать и метать.

— Ты хочешь знать, кто он? — прошипел волколак, и слюна закапала на снег, прожигая в нем дыры. — Так походи и спроси у него сам! В НАВИ!

И прыгнул.

Радомир ждал этого. Не отпрыгнул назад — ушел вниз, припав на одно колено и пропуская когтистую тушу над головой. Топор взлетел снизу вверх, метя в брюхо, но волколак в воздухе извернулся с нечеловеческой гибкостью, и лезвие лишь чиркнуло по ребрам, высекая сноп синих искр. Зверь приземлился на четыре лапы, развернулся мгновенно — и тут же получил тяжелым концом древка в челюсть. Хрустнула кость.

— Я не закончил, кузнец! — прорычал Радомир, отскакивая и стряхивая с рукава клочья дымящейся шерсти. — Где?! Где ты его встретил?!

— На Лы-ы-ысой горе-е-е!!! — взвыл волколак, бросаясь снова.

На этот раз он не прыгнул — пошел низом, пытаясь подсечь ноги. Радомир перекатился через плечо, вонзил топор в мерзлую землю, используя как якорь, и ушел за ствол старой ели. Когти вспороли кору в ладонь от его лица, брызнула смола. Мракоборец выбросил вперед левую руку с раскрытой ладонью — и с губ сорвался короткий заговор на древнем языке, том самом, на котором говорят духи Нави, а не люди.

Воздух между ними сгустился, пошел рябью. Волколак на миг замер, тряхнув головой, — морок! Но тут же взревел еще яростнее, разрывая чары грубой силой.

— Твои штучки не работают, ведун! Я уже одной ногой там, в Нави! Меня не обманешь!

— Одной ногой — это мало, — процедил Радомир, отступая на открытое место. Он тяжело дышал. Бой обещал быть долгим, а силы уходили быстро — морок выпил порядочно. — Мне нужно обеими. Лысая гора, значит Что ты там видел, кроме голоса?

Волколак захохотал — лающим, жутким смехом. Он больше не нападал сломя голову. Он был хитер, эта тварь. Шкура помнила человеческий ум.

— Видел? Ничего я не видел! Только ТЕНЬ! Огромную тень, которая закрыла луну! И угли под ногами! И смех! Он смеялся, когда я кричал от боли, вращая в эту проклятую шкуру!

— Хорошо, — кивнул Радомир, и глаза его стали холоднее навьего льда. — Это уже что-то.

Он перестал отступать. Перехватил топор обеими руками. Обережные руны на лезвии засияли полной силой — нестерпимым синим пламенем, от которого снег вокруг начал таять быстрее.

— А теперь, Молчан, я освобожу тебя.

Волколак понял: пощады не будет. И бросился в последний, отчаянный бой.

Земля вздыбилась. Они схлестнулись в центре поляны — человек и зверь. Когти встретились с заговоренной сталью, и поляна наполнилась звоном, рыком, хрустом костей и синими всполохами. Это была не дуэль — это была рубка насмерть. Волколак рвал плечо, Радомир уходил, оставляя на снегу кровавый след. Но каждый раз топор находил плоть — раз, другой, третий.

Все кончилось внезапно.

Извернувшись в последнем броске, зверь нарвался на точный, выверенный удар. Синее лезвие вошло под левую лопатку, туда, где у человека находится сердце, а у волколака — средоточие силы. Вспышка озарила лес, на миг превратив ночь в день. Волколак взвизгнул — тонко, жалобно, почти по-щенячьи, — и рухнул на бок.

Когда свет погас, на истоптанном, окровавленном снегу лежал человек. Пожилой, израненный, с глубокими шрамами от старых ожогов. Он еще дышал, и глаза его — обычные, серые, полные боли и облегчения одновременно — смотрели в ночное небо.

Радомир опустил рядом, зажимая рассеченное плечо. Дыхание вырывалось облаками пара.

— Тень, закрывшая луну, — прошептал бывший кузнец одними губами. — На Лысой горе, в Купальскую ночь. Ищи там. И прости меня, ведун. Веселину. Детей

— Уже простили, — тихо ответил Радомир, положив ладонь на лоб умирающему. — Ступай. Они ждут тебя на лугах Прави.

Молчан выдохнул в последний раз и затих. Лицо его разгладилось, морщины исчезли, и на миг показалось, что он улыбается.

Радомир поднялся, морщась от боли, и достал из поясной сумки кремень с огнивом. Хоронить тело в земле было нельзя — из такой могилы упырь встанет за три ночи. Нужен был огонь.

Где-то в глубине леса ухнул филин. Ветер донес с востока запах гари — далекий, едва уловимый, но пугающе знакомый.

Радомир замер, втянул воздух и нахмурился.

Лысая гора, Купальская ночь, тень, что больше луны. И запах гари за много верст от жилища.

Это было только начало.

Глава 1. «Пепел и слухи»

Глиници встретили Мракоборца запахом кислой капусты, мокрой шерсти и тревожного ладана, смешанного с древними обережными дымками. Староста Любомир, увидев входящего в ворота Радомира с рассеченным плечом, обмотанным грязной тряпицей, и осунувшимся лицом, сперва перекрестился, а потом сплюнул через левое плечо — от сглаза.

— Сделано, — коротко бросил Радомир, не входя в дом. — Кузнеца больше нет. Хороните пепел на перекрестке под камнем, как положено.

Он уже повернулся уходить, но староста, мелко семеня, заступил дорогу.

— Погоди, ведун. Тут такое дело Без тебя не разобраться. Третьего дня у Сорочьего ручья, где ты ну того нашли еще кое-что. Под выворотнем.

Любомир извлек из-за пазухи мешочек и высыпал на ладонь горсть мелких, оплавленных, черных как смоль осколков. Камни? Нет — костяные пластинки с едва заметными рунами, от которых тянуло холодом Нави.

— Это с того самого идола, что ты в овине нашел? — спросил Радомир, беря один осколок. Тот обжег пальцы ледяным пламенем, и руны на топоре отозвались глухим сиянием.

— Не только, — староста понизил голос. — Бабы говорят, на дальнем хуторе, у Вороньего камня, скотинадохнет без крови. А у мельника в подполе по ночам кто-то стучит и смеется. И еще — он совсем перешел на шепот, озираясь, — видели Нетопырей. Черных, беззвучных, над Мертвым болотом. С самого Купалья не видели, а тут

Радомир прикрыл глаза. Хованец, осколки идола, Нетопыри. Значит, не только Молчан слышал Зов. Тьма просачивалась через десятки ран. И в Глинищах явно завелось что-то еще.

— Собери селян, — сказал он, пряча осколок в кисет к малине. — Расскажешь мне про каждую мелочь, каждый шорох. А потом я пойду на хутор. И на мельницу. И на болото. По одному.

Он шагнул в грязь деревенской улицы, и ветер донес с востока все тот же запах далекой гари. До Лысой горы было далеко. Но Тьма была уже здесь, рядом, и она не собиралась ждать Купальской ночи.

Глава 2 "Корчма у Кривого Дуба"

— Погоди, ведун, — староста Любомир заступил дорогу и торопливо полез за пазуху. — Плату-то не взял. У нас так не водится — чтоб Мракоборец без расчета ушел. Дурная примета.

Радомир остановился. Плечо горело, и спорить со стариковскими суевериями не было ни сил, ни желания. Он молча смотрел, как Любомир извлек потертый кожаный кошель и отсчитал в ладонь монеты — тусклые, с неровным чеканом и затертыми княжьими знаками.

— Два десятка серебряных кун, как договаривались, — староста ссыпал монеты в холщовый мешочек, затянул горловину и протянул Радомиру. — Еще пять резан за срочность. Не побрезгуй.

Радомир взвесил мешочек в руке. Тяжелый. Честная плата за волколака — ровно столько, сколько стоила жизнь твари и покой деревни. Ни больше, ни меньше.

— Годится, — он убрал серебро за пояс. — Где у вас тут корчма?

— У Кривого Дуба, — оживился староста, явно довольный, что ведун не уходит на ночь глядя. — Старый Твердислав держит. Полуземлянка у оврага. Спроси у него горячей воды для раны — у него всегда есть. И баньку истопить может, если попросишь. А за плату не волнуйся: кто с нечистью бьется, с того Твердислав лишнего не дерет.

Корчма «У Кривого Дуба» стояла на отшибе, у самой околицы, вросшая в склон оврага так, что со стороны казалась просто заснеженным бугром с дерновой крышей. Огромный дуб-исполин, расщепленный молнией много зим назад, простирал над ней черные узловатые ветви — голые, мертвые, но все еще могучие. Говорили, в этот дуб Перун ударил, когда гонял Велесова Змея, и с тех пор нечисть обходит корчму стороной.

Дверь, обитая вытертой медвежьей шкурой, отворилась с низким, сытым скрипом. Навстречу выплеснулся жар, пропитанный запахами топленого сала, ржаного хлеба, можжевелового дымка и горьковатого хмеля. Радомир шагнул внутрь, пригибаясь под низкой притолокой.

Внутри гудела печь-каменка, и пламя плясало за слюдяным оконцем, разбрасывая по стенам золотые и багряные отсветы.

Лучины в железных светцах горели ровно, наполняя помещение мягким, живым сиянием. Дым слоился под потолком сизой пеленой, уползая в волоковое оконце. Вдоль стен тянулись широкие лавки, крытые добротной овчиной, а на крюках висели пучки сушеных трав: чертополох, зверобой, полынь — от нечисти, от хвори, от злого глаза.

За длинным дубовым столом сидели местные. Двое бортников в заляпанных воском рубахах спорили о чем-то вполголоса. Молчаливый охотник с обветренным лицом натирал тетиву лука воском, и его длинная тень колыхалась на бревенчатой стене. В углу, у самой печи, грелся странник в выцветшем синем плаще с низко надвинутым капюшоном.

Хозяин, седой кряжистый старик с ручищами как кузнечные клещи, стоял за стойкой — огромным дубовым комлем, отполированным локтями многих поколений. Он поднял кустистые брови, разглядывая вошедшего, и вдруг расплылся в улыбке, от которой лицо его собралось в глубокие, как овраги, морщины.

— А-а, Велесов Внук! — прогудел он на всю корчму. — Слышал уже. Волкодлака уложил. Доброе дело. Садись, гостем будешь.

Не успел Радомир опуститься на лавку, как перед ним уже стояла глиняная кружка, полная темного, душистого пива с шапкой густой пены.

— Первая чарка — от заведения, — объявил Твердислав и тут же, без перехода, деловито добавил: — Горячая вода для раны вон, в ушате у печи. Чистая холстина там же. Баньку истоплю, как доешь. За постой возьму полкуны — не больше, не меньше.

Радомир кивнул, принимая правила. Стянул с плеча пропитанную кровью повязку и занялся раной — промыл, осмотрел края. Когти прошли глубоко, но мышцы не задеты. Жить будет. Он затянул плечо свежей тканью и наконец взялся за кружку. Пиво было густым, с хлебным духом и легкой горчинкой. Именно то, что нужно.

В корчме тем временем текли негромкие разговоры — о видах на урожай, о волчьей стае в овраге, о том, что мед нынче горчит. Но вскоре, как и ожидал Радомир, беседа повернулась к темному.

— Слышь, ведун, — один из бортников, коренастый мужик с пчелиным ожогом на щеке, пересел поближе. — Правду бают, что на хуторе у Вороньего камня Ночница повадилась к младенцам ходить? У моей сеструхи там дите малое. Третью ночь кричит, заходится, а утром — синяки на ручках, будто кто пальцами давил.

Радомир отставил кружку.

— Следы видели?

— То-то и дело, — мужик понизил голос, и остальные за столом притихли. — Никаких следов. Двери заперты, окна целы. Только смех детский перед самым рассветом, и будто не одно дите в люльке, а двое. Голоса разные.

Мракоборец переглянулся с собственным отражением в темной глади пива. Подменьши. Ночница приходит не одна — она приносит подкидыша. И если вовремя не вмешаться, человеческий младенец угаснет, а в люльке останется навье отродье.

— У Вороньего камня еще и скотина дохнет, — негромко добавил охотник, не поднимая глаз от лука. — Без крови. Я там капканы проверял, нашел телку — выпотрошенную изнутри, а шкура целая. И главное — птицы над ней не кружили. Птицы боятся.

По корчме пробежал холодок. Даже Твердислав, гревший у печи горшок со щами, замер и обернулся.

— А у мельника Ждана в подполе Стукач завелся, — тихо произнес второй бортник, до того молчавший. — Стучит по ночам из-под пола: тук-тук, тук-тук. И смеется тоненько. Мельничиха уж заговаривалась — боится спать ложиться.

Радомир медленно обвел взглядом собравшихся. Каждый из этих людей был напуган. И каждый говорил правду.

— Три беды, — произнес он, ни к кому не обращаясь. — Хутор, камень и мельница. Совпадений не бывает.

— Не бывает, — вдруг подтвердил тихий, чистый голос из угла.

Странник в синем плаще откинул капюшон. Под ним оказалось лицо молодой женщины — с острыми скулами, черными волосами, в которых серебрились ранние седые пряди, и тонким шрамом, уходящим от виска вниз, под ворот. Глаза ее, яркие, зеленоватые, как у дикой кошки, смотрели на Радомира с цепким, оценивающим вниманием.

— Я — Зоряна из рода берегинь, — сказала она, и амулет на ее груди — птичья лапа, заключенная в круг, — качнулся, поймав отблеск лучины. — Травница. И Слушающая. Ткань между мирами истончается не сама по себе, Велесов Внук. Ее рвут.

С той стороны.

Она выдержала паузу и добавила — тихо, но так, что услышали все:

— Хованец — не один. Их трое. И каждый роет себе логово. Болото, камень и река. То, что творится в Глинищах и окрестностях, — это не случайные выходки нежити. Это подготовка. Они копят силу. И когда трое соберутся вместе, здесь откроется разлом, который не закрыть.

Тишина в корчме стала звенящей. Где-то далеко, за околицей, ухнул филин. А потом — едва различимый, ветром принесенный — донесся тонкий, детский смех. И оборвался.

Радомир поднялся. Серебро за поясом приятно оттягивало, рана была перевязана, а в жилах разливалось тепло от доброго пива. Он встретил взгляд Зоряны и коротко кивнул:

— Тогда с рассветом идем на хутор. Ты — к младенцу и Ночнице. Я — к Вороньему камню и скотине. А к вечеру встретимся у мельницы.

— Слаженно, — уголки губ травницы дрогнули в легкой усмешке. — Но сперва — выспись, Мракоборец. У тебя глаза красные.

Твердислав грохнул о стойку чистой кружкой.

— Баня готова! — объявил он зычно. — Щи на печи, лежанка в углу свободная. Завтра — бой, а нынче — спать. И не переглядываться мне тут! У меня заведение приличное.

По корчме прокатился смешок — нервный, но искренний. Радомир покачал головой, поднял кружку в молчаливом тосте и осушил до дна.

Завтра — три беды. Сегодня — огонь, тепло и неожиданный союзник. А это уже немало.

Пламя в печи догорало, рассыпаясь алыми углями. Корчма постепенно пустела. Бортники ушли, унося с собой тревожные вести для жен и соседей. Охотник задремал на лавке, накрывшись плащом. Твердислав гремел посудой за стойкой, делая вид, что занят, но то и дело косился в дальний угол.

Там, у самого очага, сидели двое.

Зоряна разложила перед собой холщовый мешочек с травами и теперь перебирала сушеные стебли, откладывая одни и отбрасывая другие. Двигалась она плавно, почти неслышно — Радомир заметил это еще когда она откинула капюшон. Такая плавность бывает не у травниц, а у тех, кто привык передвигаться в тени.

— Ты смотрел на меня так, будто ждал подвоха, — произнесла она, не поднимая глаз. — Когда я назвалась.

— Я и сейчас жду, — ответил Радомир, грея ладони о кружку с остатками отвара. — Берегини редко уходят так далеко от священных рощ. Еще реже — ищут встречи с Мракоборцами.

— Может, это ты меня ищешь, а не я тебя? — она усмехнулась краешком губ. — Ты три лета назад проходил через Пустошь. Спросил у старого Влаха про «травницу, что слушает Навь». Он не ответил. Но слухи дошли.

Радомир чуть заметно напрягся. Старый Влах, его учитель, умер два года назад. И никому не рассказывал о тайных распрасах ученика.

— Допустим, — сказал он. — Но сейчас ты здесь. Почему?

Зоряна отложила травы и подняла на него свои зеленоватые, кошачьи глаза. В отсветах углей они казались почти светящимися.

— Потому что Хованец убил мою наставницу, — сказала она ровно, без дрожи в голосе, но с такой глубинной, застарелой болью, что Радомир сразу узнал ее. Он сам носил такую же. — Мы следили за истончением ткани у Мертвого болота. Думали — просто разлом, просто утечка Нави. Но там был он. Тень, что больше луны. Он высосал ее досуха. Я еле ушла.

Она замолчала, глядя в угли. Потом вдруг вытащила из-под плаща узкий кожаный наруч, туго обхватывающий левое запястье, и положила на стол. В специальных петлях там покоились три метательных кинжала — маленьких, с тонкими рукоятками без гарды и затемненными лезвиями, чтобы не выдать блеском в ночи. Четвертое гнездо пустовало — видно, нож нашел свою цель и не вернулся.

— Я не воин, — продолжила она, заметив его взгляд. — Мечом не владею, в открытый бой не лезу. Но скрытность и точный бросок — этому меня научили раньше, чем заваривать сон-траву. Я могу пройти за спиной у навьего духа и он не услышит. Могу снять дозорного раньше, чем он откроет пасть. В наших рощах берегинь учат не только травам, Велесов Внук. Нас учат выживать.

Она скользнула ладонью над кинжалами, и один вдруг исчез из наруча — просто оказался зажатым меж пальцев, словно сам прыгнул в руку.

— И еще, — добавила она, убирая кинжал обратно с той же неуловимой ловкостью. — Я вижу в темноте.

Не как кошка, но близко. Если на хуторе нас ждет засада, ты узнаешь о ней раньше, чем она захлопнется.

Радомир медленно кивнул, оценивая. Мракоборец, умеющий рубить, и тeneвая травница, умеющая видеть и бить издали. Сочетание было неплохим.

— Твой учитель учил тебя выживать, — сказал он. — Мой учил меня умирать и возвращаться. Может, из нас выйдет толк.

— Может, — она чуть улыбнулась, но тут же посерьезнела. — Только знай: люди будут бояться нас обоих. Ты для них — полумертвец из Нави, я — лесная ведьма. Кто-то закроет двери, кто-то сплюнет вслед, а кто-то попытается воткнуть нож в спину. Я к этому привыкла.

— Я тоже, — ответил Радомир, поднимая кружку.

Они чокнулись — он глиняной кружкой с остатками взвара, она сухим стеблем полыни, который держала в пальцах. Вышел короткий, суховатый жест — не дружеский пир, а договор. Договор двух изгоев.

— Тогда с рассветом идем на хутор, — сказал Радомир. — Я — к Вороньему камню и скотине. Ты — к младенцу. Если там Ночница и подменыш, я не смогу их выследить. А ты — сможешь.

— Смогу, — кивнула Зоряна. — И если Ночница окажется не одна, я подам знак. Ты услышишь крик пустельги. Два коротких — опасность. Один длинный — чисто. Не перепутай.

— Не перепутаю.

Они замолчали. За окном, в морозной темноте, снова ухнул филин. На этот раз ближе.

В другом конце корчмы Твердислав, делавший вид, что перетирает и без того чистые кружки, пробормотал себе под нос:

— Ох, чует мое сердце, будет нам всем весело. Два ножа на поясе, три в рукаве, топор за спиной и ни одного поганого человека. То ли свадьба, то ли война.

— Второе, — ответил Радомир, не оборачиваясь. — Точно второе.

Зоряна тихо рассмеялась — негромким, сухим, как шелест осенней листвы, смехом. И корчма «У Кривого Дуба» погрузилась в сонное, предрассветное безмолвие.

Ночь в корчме сгустилась до той особенной, глухой тишины, какая бывает только перед рассветом. Угли в печи подернулись пеплом. Охотник перестал храпеть. Твердислав задремал за стойкой, уронив седую голову на скрещенные руки. Даже Зоряна, свернувшись под плащом на дальней лавке, дышала ровно и неслышно — как зверек, привыкший спать чутко.

Радомир лежал на спине, глядя в темный потолок, по которому пробежали последние багряные отблески. Плечо ныло. Тело просило отдыха. Но разум, разбереженный разговором с травницей, не хотел отпускать.

«Ты живешь на границе, Радомир, и нигде не свой».

Он закрыл глаза. И тьма за веками сменилась другой — густой, вязкой, пахнувшей сырой землей и старым деревом. Тьмой Нави. Тьмой воспоминания.

Ему двенадцать. Босые ноги мерзнут на утопанном снегу капища. Старый Влах, еще не седой, еще не сторбленный, стоит позади и молчит. Перед мальчиком — черный провал в земле. Вход в Нижний Мир.

— Ты не воин, — говорит Влах. Голос у него глухой, как стук дерева о дерево. — Ты — сирота. Подкидыш, которого нашли у корней дуба. У тебя нет рода, нет имени, нет судьбы. Навь уже забрала твою мать, твоего отца, твой дом. Ей осталось забрать только тебя.

Мальчик молчит. Он не плакал даже когда старшие ученики били его, называя «навным огрызком». Он вообще разучился плакать рано.

— Но есть иной путь, — продолжает Влах. — Ты можешь сам войти в Навь. Не как жертва — как гость. Увидеть то, что видят мертвые. И вернуться.

— Зачем? — голос мальчика сипит.

— Затем, что грань между мирами — как веко. Она должна открываться и закрываться. А если некому ее закрывать, она рвется. Тогда Навь хлынет в Явь, и живые позавидуют мертвым. — Влах кладет тяжелую ладонь на плечо мальчика. — Ты станешь Мракоборцем. Велесовым Внуком. Будешь стоять на границе. Но за это отдашь часть себя.

— Какую?

— Ту, которая боится. Ту, которая любит. Ту, которая спит без снов. — Старый волхв медлит. — Ты сможешь иметь детей, но не сможешь их растить. Ты сможешь жить долго, но каждый год будет отнимать не только силы, но и память о том, каково это — быть просто человеком. Ты будешь один, мальчик. Даже в толпе. Даже среди друзей. Всегда один.

Мальчик долго смотрит в черный провал. Оттуда тянет холодом и чем-то сладковатым — как от старого трупа. Но еще оттуда тянет тишиной.

И эта тишина обещает покой.

— Я согласен, — говорит он.

И шагает вниз

Сон сгустился. Картины замелькали быстрее, как падающие листья.

Вот он идет через Навь — серую, туманную, где деревья растут корнями вверх, а реки текут молоком и кровью. Вот он стоит перед Калиновым мостом, и с той стороны на него смотрит некто огромный, рогатый, с глазами как угли. Велес. Не бог — само понятие границы. Он протягивает руку. Мальчик протягивает свою. Их ладони соприкасаются — и мир раскалывается надвое.

Вот он возвращается. Влах встречает его наверху, у входа в провал. Мальчик выходит — и это уже не совсем мальчик. Глаза его стали на оттенок темнее. Голос — на тон ниже. И в груди поселилась пустота, которую не заполнить ни медовухой, ни битвой, ни женским смехом.

— Теперь ты — внук Велеса, — говорит Влах. — Теперь тебя зовут Радомир. Забудь прежнее имя. Забудь, как звали твою мать. Забудь все, что было до этой ночи. Ты родился заново. И жить будешь — пока грань держится.

Сон истончился, и пришла другая память — ближе, большее.

Пять лет назад. Он идет через деревню, из которой только что выгнал упыря. Плечо болит точно так же, как сейчас. Он ждет платы. Но селяне не несут серебро. Они стоят вдоль улицы, держа в руках кто вилы, кто топор, кто просто камень. Староста — седой, сгорбленный, тот самый, что умолял о помощи три дня назад, — выходит вперед.

— Уходи, — говорит он, и голос его дрожит не от страха, а от ненависти. — Ты такое же чудовище. Мы видели, как ты говорил с упырем. Ты называл его по имени. Ты — навий прихвостень. Уходи, не то посечем.

Дети бросают в него комья мерзлой земли. Женщина, которую он спас, прячет глаза и крестится. Радомир молча разворачивается и уходит. Платы нет. Благодарности нет. Только скрип снега под ногами и волчий вой где-то за лесом.

Он не оборачивается. Он — Мракоборец. Он держит грань. А что думают люди — это их дело.

Радомир открыл глаза.

Сон отступил, оставив во рту горьковатый привкус навьего тумана и знакомую, почти уютную пустоту в груди. Он полежал немного, привыкая к тишине корчмы. Затем сел и потянулся за топором.

— Опять свое смотрел? — негромко спросила из темноты Зоряна.

Он не ответил. Только провел пальцем по лезвию, и обережные руны на миг вспыхнули синим.

— Рассвет скоро, — сказал он.

— Знаю, — ответила травница, поднимаясь и поправляя наруч с кинжалами. — Я уже вижу полосу на востоке.

Радомир кивнул. Сон остался во сне. Впереди ждал хутор у Вороньего камня. Ночница. Подменьш. И одна из трех Теней.

Глава 3 "Вороний Камень"

Глава 3. «Вороний камень»

Рассвет проклюнулся робко, словно боялся разбудить лес. Серое небо на востоке чуть позолотилось, и морозный воздух стал колким, как битое стекло. В корчме «У Кривого Дуба» было еще тихо, но Радомир уже стоял у порога, поправляя перевязь топора и проверяя, легко ли выходит лезвие из-за спины.

Плечо ныло меньше — зверобойная мазь и горячая вода сделали свое дело. Он бросил на стойку обещанные полкуны. Твердислав, уже проснувшийся и раздувавший угли в печи, поймал монету на лету.

— Живыми возвращайтесь, — буркнул он. — Или хотя бы мертвыми, но с той стороны, где люди.

— Постарайтесь, — ответил Радомир.

Зоряна уже ждала снаружи. Она стояла у самого дуба, неподвижная, закутанная в свой выцветший синий плащ, и смотрела на восток. Снег вокруг нее был девственно чист — ни единого лишнего следа. Радомир невольно отметил: он не слышал, как она встала, как оделась, как вышла. Просто в какой-то миг ее не было в корчме, а теперь она стояла здесь. Будто тень перетекла из угла в рассвет.

Это напрягало.

— Ты всегда так ходишь? — спросил он, поравнявшись.

— Как?

— Бесшумно. Как навья душа.

Зоряна чуть повела плечом — не то усмехнулась, не то поправила плащ.

— Привычка. В рощах берегинь не приветствуется топот. Лес слышит все. И те, кто в лесу, — тоже.

— И давно ты в рощах?

— С восьми лет, — она повернулась к нему, и в рассветном сумраке ее зеленоватые глаза блеснули, как у кошки, поймавшей первый луч. — Наставница нашла меня на пепелище. Вся семья сгорела — моровая язва, дом подпалили вместе с больными, чтобы не разносилась. Я выжила чудом.

Или проклятием, смотря как посмотреть. А ты?

Радомир помолчал, потом коротко бросил:

— Я не помню. Влах говорил — нашли у корней дуба. Младенцем. Кто оставил и почему — неизвестно.

— Значит, мы оба сироты, — тихо сказала Зоряна. — Поэтому нас и тянет к границе. У нас нет корней в Яви.

Они двинулись по замерзшей колее, ведущей через овраг и дальше, к дальнему хутору у Вороньего камня. Снег хрустел под ногами — но только под ногами Радомира. Зоряна ступала так, что наст едва проседал, и звук ее шагов напоминал скорее шелест ветра в сухой траве, чем человеческую поступь.

Мракоборец ловил себя на том, что то и дело проверяет, идет ли она рядом, или исчезла, растворилась в утреннем тумане. Пару раз он оборачивался. Она была там — в трех шагах позади и чуть левее, ровно на таком расстоянии, чтобы не заслонять ему обзор и не подставляться под удар, если нападут спереди. Она не спрашивала, куда встать. Просто знала. Это вызывало уважение. И одновременно — холодок между лопаток.

«Слишком тихая, — думал Радомир, меряя шагами дорогу. — Слишком умелая для простой травницы. Метает ножи как глядит — не целясь. Двигается как тень. И молчит. Много молчит. Даже когда говорит — молчит о главном».

Он вспомнил, как она назвала его «Велесовым Внуком» еще до того, как он представился. Откуда? Слухи — это одно. Но в корчме она смотрела на него так, будто знала заранее, что он придет именно туда и именно в этот вечер.

«А может, знала, — он поправил топор за спиной. — Может, она — не просто берегиня. Может, у нее свой договор с Навью. Или с кем-то еще».

Но тут же другая мысль, более спокойная: она назвала Хованца. Упомянула троих. Показала ножи и предупредила о сигналах. Если бы она хотела его смерти, проще было бы просто не встречаться. Или ударить в спину, пока он спал. Нет, у нее свой интерес, но он совпадает с его собственным. Пока что.

Лес расступился, открывая замерзшее поле, за которым темнели постройки — три избы, овин, хлев. Хутор у Вороньего камня. Над трубой одной из изб вился жидкий дымок, но все остальное казалось вымершим. Ни собачьего лая. Ни петушиного крика. Только тишина — густая, вязкая, какая бывает перед грозой.

Радомир остановился на опушке и поднял руку. Зоряна замерла одновременно с ним, даже не глядя в его сторону — будто чувствовала.

— Тишина, — сказал он.

— Да, — ответила она. — Слишком тихая. Даже птиц нет.

Она прикрыла глаза и замерла на несколько ударов сердца. Потом открыла и указала на крайнюю избу.

— Там. В люльке — двое дыханий. Одно человеческое, слабое. Второе не знаю. Оно не дышит. Оно просто есть.

Радомир сжал рукоять топора:

— Ночница уже здесь.

— Да. Но есть еще кое-что. — Зоряна нахмурилась, вглядываясь в темноту под навесом хлева. — Возле скотины. Что-то крупное. Оно не движется, но я чую запах. Пресный, как старая кровь.

— Тогда действуем как договорились, — Радомир кивнул в сторону избы. — Ты — к младенцу. Я — к хлеву. Если что — крик пустельги.

— Два коротких — опасность, один длинный — чисто, — повторила Зоряна.

И исчезла.

Без звука, без движения, без единого хруста снега — просто была рядом, а в следующий миг ее синий плащ уже мелькнул у плетня. Радомир проводил ее взглядом и шумно выдохнул, выпустив облако пара:

— Тень, а не человек.

Он двинулся к хлеву, держа топор наготове.

I. Хлев

Хлев стоял на отшибе — приземистый, вросший в землю по самые волоковые оконца. Дверь, сбита из горбыля, была приоткрыта. Изнутри тянуло тем самым запахом, который Зоряна учуяла еще с опушки: пресным, сладковатым, каким пахнет старая кровь, уже подернувшаяся ледяной корочкой.

Радомир остановился у входа. Снег перед хлевом был истоптан — но странно. Будто скотина выходила наружу, а потом возвращалась обратно. Следы копыт, глубокие и неровные, тянулись из двери и обратно. Вот только коровы так не ходят: слишком ровные круги, слишком правильные петли. Как если бы кто-то водил скотину на веревке.

Он шагнул внутрь.

В хлеву было темно, но свет, сочившийся сквозь щели в крыше, рисовал на замерзшем полу полосы. Три коровьих туши лежали у кормушки, выпотрошенные изнутри.

Шкуры целы, ребра раздвинуты, внутренности отсутствовали — будто их высосали через крохотное отверстие под грудиной. Ни капли крови на соломе.

А в дальнем углу, где темнота сгущалась в сплошную черноту, что-то шевелилось.

Радомир перехватил топор и чуть развернул лезвие, чтобы руны поймали свет. Синее сияние выхватило из мрака фигуру — огромную, сгорбленную, с непропорционально длинными руками, свисавшими до земли. Оно стояло спиной к нему, склонившись над четвертой коровой, еще живой. Корова лежала на боку и тихо, жалобно мычала, а тварь запустила руку ей под ребра — медленно, почти ласково.

— Отойди от скотины, — негромко произнес Радомир.

Тварь замерла. Потом, не вынимая руки из коровы, повернула голову.

Лицо — если это можно было назвать лицом — оказалось человеческим. Но пустым. Глаза — бельма, как у вареной рыбы. Рот — щель, из которой свисал длинный, черный, похожий на пиявку язык. Кожа серая, обвисшая складками, будто существо когда-то было больше, а потом сдулось, как проколотый бурдюк.

— Ты-ы-ы — прошелестело оно, и звук шел не из горла, а откуда-то из живота. — Ты па-а-ахнешь На-а-авью.

— Я оттуда, — согласился Радомир. — А ты, стало быть, Пустотник?

Он слышал о таких. Люди, из которых Хованец высосал душу, оставив оболочку. Не мертвые, не живые. Просто сосуды, которые наполняются чужой волей и делают, что велено.

— Зачем ты режешь скот? — спросил он.

— Копим, — прошелестел Пустотник. — Копим си-и-илу. Хозяин проснѐ-ѐ-ѐтся. Скоро.

— Где твой хозяин?

Пустотник улыбнулся — рот растянулся до ушей, обнажив десны без единого зуба.

— Бли-и-изко. Ближе, чем ты ду-у-умаешь.

И выдернул руку из коровы. В кулаке у него было зажато что-то черное, скользкое, пульсирующее — не то сердце, не то сгусток самой тьмы. Он поднес это ко рту, всосал длинным языком и вдруг начал расти.

Тело Пустотника пошло складками, расправляясь, наливаясь силой. Руки удлинились еще больше. Пальцы превратились в костяные крючья. Бельма глаз налились багрянцем. Тварь, только что казавшаяся вялой и медлительной, в один миг стала смертоносной.

Радомир не стал ждать, пока она закончит превращение.

Топор пошел по диагонали — снизу вверх, целя в стык шеи и плеча. Пустотник качнулся с неестественной скоростью, и лезвие вместо плоти встретило костяной крюк. Зазвенело. Брызнули синие искры. Тварь отшвырнула Мракоборца к стене, и тот едва успел сгруппироваться, прежде чем врезался спиной в бревно.

Пустотник надвигался, заслоняя свет. Теперь он был выше человеческого роста раза в полтора. Крючья-пальцы скребли по стенам, оставляя глубокие борозды.

— Хозяин сказа-а-ал — забулькало у него в животе, — ты вку-у-усный. Твоя си-и-ила — ему.

— В очередь, — прорычал Радомир и метнулся в сторону, уходя от удара.

Бой в тесном хлеву был плохой затеей. Пустотник перекрывал проход, а его длиннющие руки доставали почти до любого угла. Оставалось одно: заставить его промахнуться и открыться.

Радомир подхватил с пола пустое ведро и швырнул влево. Тварь дернулась на звук, и в этот миг Мракоборец ушел вправо, перекатом, и отсек ей ногу под коленом.

Пустотник рухнул, но даже лежа продолжал тянуться к нему крючьями. Из раны не текла кровь — только черный дым, густой и маслянистый.

Радомир наступил ему на грудь и приставил лезвие топора к горлу:

— Где твой хозяин?

Пустотник дернулся, захрипел, и вдруг замер. Бельмастые глаза уставились в потолок, рот растянула жуткая, бессмысленная улыбка. Из глотки вырвался звук — не слова, а низкое, утробное гудение, похожее на гул далекого пламени.

— Он уже-е-е ви-и-идит тебя-я-я

И рассыпался.

Без взрыва, без вспышки — просто осыпался черным пеплом, который тут же впитался в мерзлую землю, будто его и не было. Осталась только коровья туша, грязный пол и ледяной сквозняк из открытой двери.

Радомир выругался сквозь зубы. Пустотник был пустышкой в прямом смысле слова. Ни имени хозяина, ни места, ни хотя бы намека. Только это жуткое «видит тебя» — и все.

«Видит», — повторил он про себя. — «Через пустую оболочку видит. Значит, Хованец знает, что я здесь».

Он выпрямился и осмотрелся. Три коровьих туши.

Четвертая, еще живая, тихо мычала в углу. Внутренности отсутствовали у всех. Пустотник копил силу — это он сказал. Но для чего? И куда уходила собранная мощь?

Ответов в хлеву не было.

Снаружи вдруг раздался крик. Не пустельги. Женский. Короткий, тут же оборванный — как если бы Зоряна закричала, и кто-то зажал ей рот.

Радомир вылетел из хлева, забыв про усталость и больное плечо.

II. Изба

Зоряна вошла в избу через заднюю дверь, которую открыла даже не ножом — просто провела пальцем по щеколде, и та подалась без звука. Внутри пахло остывшей печью, луковой шелухой и болезнью. Люлька стояла в углу, завешенная выцветшим пологом.

Два дыхания. Одно — слабое, человеческое. Второе — ровное, неживое. Подмыш уже здесь.

Она скользнула в тень у печи, туда, где мрак был гуще всего, и стала ждать. Наруч с кинжалами был растегнут. Пальцы легли на рукоять первого — того, что с лезвием, тронутым серебром и закаленным в настое девясила с полынью на воде из трех священных родников. Обычная сталь духа не возьмет — пройдет насквозь как сквозь туман. Но эти клинки ковались и заговаривались для войны с Навью.

Ночница пришла не сразу. Сначала в избе стало холоднее — будто кто-то открыл невидимую дверь в студень. Лучины в светце мигнули и погасли. И тогда из темного угла, противоположного люльке, выступила она.

Высокая, неестественно худая женщина в длинной серой рубахе, расшитой погребальными узорами. Лицо — прекрасное и страшное одновременно: высокие скулы, черные губы, и глаза — сплошная чернота без белков и зрачков. Волосы седые, струящиеся до пят, и в них запутались сухие стебли полыни, мелкие косточки и что-то блестящее — может, рыба чешуя, а может, осколки стекла. Она двигалась бесшумно, но тень ее на бревенчатой стене жила собственной жизнью: дергалась, извивалась, отращивала лишние пальцы.

В руках она держала сверток. Грязный, мокрый, шевелящийся. Подмыш.

Зоряна задержала дыхание. Она знала порядок: сначала Ночница положит подкидыша в люльку. Потом склонится над человеческим младенцем. И в миг, когда она начнет вытягивать из него душу, дух станет уязвим. Не полностью — но достаточно, чтобы почувствовать боль.

Ночница откинула полог. Человеческий младенец захныкал во сне, но не проснулся — сил уже не было. Дух улыбнулась, и улыбка эта была почти материнской. Почти. Только слишком длинные зубы портили впечатление.

Она зашептала — низко, нарастав, на языке, который был древнее человеческой речи. Сверток в ее руках зашевелился сильнее, издал мокрый, чавкающий звук.

Зоряна метнула нож.

Клинок пронзил воздух и вошел Ночнице в плечо — туда, где у живого человека был сустав. Серебро вспыхнуло холодным белым огнем. Дух взвыла — тонко, пронзительно, как зимний ветер в печной трубе, — и выронила сверток. Подменьш шлепнулся на пол и тут же зашипел, заскреб крохотными когтистыми лапками по половицам.

Ночница развернулась. Черные глаза нашли Зоряну в тени. Из раненого плеча сочился не дым даже — что-то вроде густого тумана, подсвеченного изнутри белым. Боль ей не понравилась.

— Ты-ы-ы — прошипела она, и голос ее был как скрежет металла о металл. — Серебро. Заговор. Берегиня. Ты не должна вмешиваться. Это плата!

— Чья плата? — Зоряна уже держала второй нож, на этот раз с лезвием, закаленным в отваре чертополоха и осинової коры. — За что?

— За защиту! — Ночница шагнула вперед, и тень ее на стене вздыбилась, став вдвое выше. — Тень под камнем дает нам силу. Мы кормим ее младенцами, она кормит нас страхом. Мы — ее слуги. А ты — помеха.

Она прыгнула.

Зоряна ждала этого. Ушла в пережат, и когтистые пальцы вспороли воздух в том месте, где только что было ее лицо. Травница метнула второй нож — целя в живот. Ночница извернулась в воздухе с нечеловеческой гибкостью, и клинок лишь чиркнул по ребрам, оставив дымящийся порез. Но и этого хватило, чтобы дух отшатнулась, шипя от боли.

— Ты быстра, берегинька, — проскрежетала она. — Но я — дух. Я не устаю.

Зоряна не ответила. Она пятилась к двери, выхватывая третий, последний кинжал. В голове билась мысль: «Кричать. Надо подать сигнал».

Она набрала воздуха и издала крик пустельги — два коротких, резких. Опасность.

И в тот же миг Ночница атаковала снова.

На этот раз она не прыгнула — растекалась тенью по полу и взметнулась перед Зоряной из ниоткуда. Когтистая рука сомкнулась на горле, вторая — на запястье с ножом. Травница захрипела, пытаясь вырваться, но сила духа была нечеловеческой. Перед глазами поплыли черные круги.

— Тихо, тихо, — проворковала Ночница, приблизив лицо почти вплотную. Дыхание ее пахло сырой землей и старым молоком. — Не дергайся. Ты вкусная, но Тень велела не убивать таких, как ты. Сказала — вы нужны живыми. Зачем-то.

Зоряна извернулась и ударила ножом вслепую — снизу вверх, целя в горло духа. Лезвие вошло в плоть, и Ночница взвизгнула, отшатываясь. Но тут же ударила в ответ — длинными пальцами поперек лица. Травницу отбросило к стене. По щеке потекла кровь.

В этот миг дверь с грохотом распахнулась.

Радомир ворвался в избу, залитый чужой черной пылью, с топором в одной руке. Увидел Зоряну — прижатую к стене, с окровавленным лицом, но живую. Увидел Ночницу — раненую в плечо и горло, дымящуюся, но отнюдь не побежденную. Увидел сверток на полу — шевелящийся, шипящий. Подменьш.

— Отойти от нее, — прорычал он, и обережные руны на топоре засияли синевой.

Ночница обернулась. При виде Мракоборца с заговоренным оружием она не бросилась в бой и не стала насмехаться. Она просто замерла, и лицо ее исказилось — не страхом, а узнаванием.

— Велесов Вну-у-ук, — протянула она, и в голосе зазвучала странная, почти печальная интонация. — Мы не сражаемся с такими, как ты. Нам не велено.

— Кем не велено? — рявкнул Радомир, делая шаг вперед.

— Ею. Той, что спит под камнем. Она сказала: Велесов Внук должен прийти. Он — ключ. Мы не тронем его. — Ночница попятилась к люльке. — Но плату свою я заберу.

Радомир метнулся наперерез, замахиваясь топором, но Ночница уже таяла, расплзалась серым туманом. Лезвие прошло сквозь дым, высекая синие искры, но не задело плоти. Дух уходила в щели между половицами, в холодный подпол, и только голос ее еще звенел в воздухе:

— Ты — ключ, Велесов Внук. Но ключ может открыть дверь, а может сломаться в замке. Тень ждет тебя у Вороньего камня. Ждет давно.

И исчезла

Остался только запах сырой земли, разлитое на полу молоко из опрокинутой крынки и тихий, захлебывающийся плач человеческого младенца в люльке. Подменьш на полу затих — то ли сдох, то ли притворился.

Радомир опустил топор и шумно выдохнул. Подошел к Зоряне, все еще сидевшей у стены, и протянул руку:

— Жива?

— Жива, — она приняла его ладонь и поднялась, утирая кровь с рассеченной скулы. — Но без толку. Она ушла. И унесла все.

— Не все, — Радомир кивнул на подменьша. — Это — зацепка. И она сказала про камень. Про ключ. Про то, что меня ждут. — Он помолчал, глядя на то место, где только что стояла Ночница. — Вот только где этот Вороний камень — мы не знаем.

— И никто из местных не знает, — тихо добавила Зоряна, подбирая с пола кинжалы. — Я спрашивала в корчме, пока ты спал. Бортник сказал: «Вороний камень — это просто место за околицей, где валун лежит, старый, мхом поросший. Никакой Тени там отродясь не видали». Либо он не там искал, либо камень — не просто валун.

— Либо Тень прячется глубже, — закончил Радомир.

Он подошел к люльке, откинул полог. Человеческий младенец — мальчик, бледный, с синевой под глазами, но дышащий — затих и смотрел на него мутным, но осмысленным взглядом. Радомир коснулся его лба двумя пальцами и закрыл глаза.

— В нем нет Нави. Чист. Ночница не успела.

— Успела бы, если бы ты не ворвался, — Зоряна уже стояла рядом, держа наготове сверток с травами. — Дай-ка я посмотрю. Тут нужен взвар из сон-травы и девясила — чтобы выгнать остатки морока.

Она склонилась над люлькой, и на миг ее лицо смягчилось. В зеленых глазах мелькнуло что-то похожее на боль.

— Я когда-то тоже лежала в такой люльке. И меня тоже не спасли вовремя. Моя Ночница успела.

Радомир ничего не ответил. Он стоял у двери, глядя на рассветное небо за окном, и думал о том, что сказала дух.

«Ты — ключ. Тень ждет тебя».

Но где ждет? Где этот камень? И почему Тень называет его ключом, если он сам ничего о себе не знает?

Ответов не было.

— Собирайся, — бросил он через плечо. — Отнесем младенца матери, пополним твои ножи и двинемся дальше. У нас еще мельница и болото. И где-то между ними — ответ.

— А камень?

— Камень сам нас найдет, — сказал Радомир. — Раз я — ключ, значит, замок где-то рядом. А ключ всегда притягивает замок. Так говорил Влах.

Зоряна кивнула и бережно взяла младенца из люльки. Подменьш на полу уже не шевелился — рассыпался горсткой влажного пепла.

Они вышли из избы в серый, морозный рассвет. Впереди лежала дорога — пустая, заметенная поземкой, уводящая прочь от хутора, к лесу, к новым деревьям и новым бедам.

И где-то на этой дороге их ждала встреча, которой они не искали.
